

На правах рукописи

Степанова Елена Геннадьевна

**МОРФОДЕРИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
РУССКИХ СУБСТАНТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ДЕЯТЕЛЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(по материалам экспериментального словообразования)**

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2005

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Попова Татьяна Витальевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Плотникова Галина Николаевна;

кандидат филологических наук, доцент
Цыганкова Анна Владиславовна

Ведущая организация: Тюменский государственный университет

Защита состоится 2 декабря 2005 года в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан: 25 октября 2005 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Н.А. Пирогов

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию морфодеривационной структуры русских имён существительных со значением деятеля в языковом сознании носителей современного русского языка. Настоящее исследование выполнено на материале экспериментального словообразования, актуализирующего неогенные способности говорящих. Интерес к индивидуальной форме существования языка соответствует общей антропоцентрической тенденции развития языкознания, активно проявившейся в конце XX века.

Актуальность исследования определяется его антропоцентрической направленностью и недостаточной изученностью русской спонтанной речи в морфодеривационном аспекте. Последнее является сдерживающим фактором, не позволяющим представить картину порождения нового слова в речевой деятельности детей и взрослых во всей полноте.

Научная новизна исследования. Новизна предпринятого в диссертационном исследовании подхода заключается: 1) во введении в научный обиход нового речевого материала, полученного экспериментальным путём; 2) в обосновании таких понятий, как «морфодериватема», «амбирадикс», «амбирадиксальный композит», и актуализации терминов «морфодеривационная структура слова» и «деривационное поле»; 3) в попытке анализа морфодеривационной структуры одного из словообразовательных классов русских слов – субстантивов со значением деятеля; 4) в определении общего и специфического в деривационной составляющей языкового сознания взрослых и детей; 5) в уточнении состава русских морфем, в частности суффиксов и интерфиксов, и статуса некоторых аффиксов.

Объект исследования – русские производные существительные со значением деятеля – 7516 реакций (4016 аффиксальных производных и 3500 композитов), полученных в результате словообразовательного эксперимента.

Предмет исследования – морфодеривационная структура анализируемых субстантивов.

Цель исследования – охарактеризовать морфодеривационную структуру русских суффиксальных и композитных субстантивов со значением деятеля в языковом сознании детей и взрослых.

Задачи исследования:

1. Проведение лингвистического эксперимента по образованию новых имён существительных со значением деятеля среди носителей русского языка – детей и взрослых.

2. Составление деривационных полей, включающих в себя массив всех реакций на исходные словообразовательные перифразы.

3. Выделение и комплексная, структурно-семантическая, характеристика морфодериватем в составе морфодеривационной структуры новообразований, полученных в ходе эксперимента.

4. Выяснение особенностей образования новых субстантивов со значением деятеля представителями разных возрастных групп.

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем изучении словообразования с когнитивной точки зрения, в анализе эмпирических данных и разработке теоретических положений, актуальных для широкого понимания номинативного процесса (особенно процесса образования цельнооформленных лексических единиц), для реконструкции процессуальной стороны мышления и лучшего понимания оперативной части языкового сознания.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования её результатов в процессе подготовки студентов-гуманитариев, чья специальность связана с русским языком и словесным творчеством. Материалы диссертации могут быть применены при чтении курсов «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Современный русский язык», «Русский язык и культура речи». Разработанная методика может быть использована для анализа других массивов производных слов.

Методология и методика исследования. Методология настоящего исследования обусловлена достижениями коммуникативной, когнитивной и антропоцентрической научных парадигм, воздействием работ таких отечественных и зарубежных учёных, как Ф. де Соссюр, Э. Сепир, Р. Якобсон, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ч. Филлмор, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, Е.А. Земская, В.П. Изотов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, В.В. Лопатин, А.Р. Лурия, Б.Ю. Норман, А.Е. Супрун, И.С. Улуханов, Б.А. Успенский, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина, А.М. Шахнарович и др.

В диссертационной работе анализ языковых явлений проводится с позиций антропоцентризма, рассматривающего язык

как сущность, неразрывно связанную с человеческой деятельностью (прежде всего речемыслительной).

Методы исследования: лингвистический эксперимент (ономасиологический, интерпретационный, субъективного оценивания), классификация языковых фактов, морфодеривационный, ономасиологический, сопоставительный и количественный анализ экспериментальных данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Морфодеривационная структура (МДС) русского существительного – это комплексная единица порождающего механизма наивного языкового сознания носителя языка, не совпадающая полностью ни с морфемной, ни со словообразовательной структурами русского слова. МДС состоит из морфодериватов, представляющих собой морфемоподобные образования полевой структуры: центром поля является корневая, суффиксальная или интерфиксальная словообразовательная морфема, описанная в грамматиках и словарях русского языка, периферией – открытое множество морфов – окказиональных структурных модификаций узальной морфемы.

2. Для изучения МДС в языковом сознании носителей современного русского языка необходимо использовать комплекс лингвистических и психолингвистических методов и приёмов, в том числе направленный лингвистический эксперимент и морфодеривационный анализ лексических новообразований, в котором совмещается выделение в словоформе морфем (морфов) с установлением их словообразовательного статуса.

3. МДС русских суффиксальных субстантивов со значением деятеля включает в себя такие морфодериваты, как корень-мотивант и суффиксальная финаль – формант, представляющий собой простой (базовый) суффикс или его производные с левым расширением. Активное варьирование суффиксальных финалей достигается в основном за счёт использования узальных и окказиональных интерфиксов.

4. МДС русских композитных субстантивов со значением деятеля включает в себя неоднотипные морфодериваты: несколько корней с незакреплённой позицией в слове, а также интерфикс (интерфиксы) и суффиксальную финаль. Высокая частотность появления в речи взрослых экспериментальных амбиградических композитов и разноречивость в их интерпретации свидетельствуют о неопределённости статуса компонентов

ономасиологической модели сложного слова – ономасиологического признака и ономасиологического базиса.

5. Активность использования суффиксации при образовании новых субстантивов со значением деятеля в речи детей и взрослых равно высока. Различия при производстве суффиксальных дериватов связаны с нетождественной эмпирической продуктивностью узуальных суффиксов в речи носителей разных возрастных групп и с созданием своего массива окказиональных суффиксов каждой возрастной группой. Композитное словообразование используется в основном взрослыми носителями русского языка. Способность к образованию новых сложных слов может считаться одним из критериев «взросления» языковой личности.

Структура диссертации: работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и 13 приложений.

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, обосновываются актуальность, новизна и значимость диссертации, определяются цель исследования и реализующие её задачи, указываются методы анализа фактического материала, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Морфодеривационная структура русского субстантива: системно-языковой и речевой аспекты» посвящена описанию теоретических основ сопоставительного исследования экспериментальных данных, полученных в речевой деятельности детей и взрослых информантов.

В главе рассматриваются морфемная и словообразовательная структуры имени существительного в языковом сознании носителей современного русского языка. Отмечается сложная взаимосвязь понятий «сознание» (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия), «языковое сознание» (А.А. Леонтьев, В.В. Красных, Ю.Н. Караулов), «языковая» и «концептуальная картина мира» (Г.В. Колшанский, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян), «индивидуальный лексикон» (Е.С. Кубрякова, А.А. Залевская, А.А. Леонтьев). Называются специфические черты производной лексики, подчёркивается важная роль словообразования в становлении и развитии когнитивной и языковой картин мира носителей языка.

Обосновывается целесообразность использования понятия «морфодеривационная структура слова» в предлагаемом нами значении и нового комплексного понятия «морфодериватема». Морфодеривационная структура слова не совпадает полностью ни с

морфемной, ни со словообразовательной структурами слова. Например: морфемная структура новообразования *курительник* «тот, кто курит» (с опорой на «Словарь морфем русского языка») включает в себя корневой морф *кур-*, глагольный тематический суффикс *-и-*, суффиксы *-тель-* и *-ник* (единого суффикса *-тельник* в словаре не зафиксировано), нулевую флексию. Словообразовательная структура этого новообразования (с опорой на словообразовательную пару *курить* → *курительник* при отсутствии узуального *куритель*) включает производящую основу *кури-* и формант *-тельник*.

Морфодеривационная структура новообразования *курительник* определялась исходя из состава экспериментальных ответов: из 240 реакций с корнем *кур-* 66% новообразований не содержат суффикса *-и-* (*закурник*, *курва*, *курдымщик*, *курейщик*, *курел*, *курер*, *курнист*, *курак* и др.), т.е. в большинстве случаев происходит актуализация корня, а не мотивирующей основы *кури-*. Простой суффикс *-ник* входит в состав разных суффиксальных финалей: *дымкурничник*, *курильщик*, *курительник*, *курюшник* и др. Это позволило нам в анализируемом новообразовании выделить корневую морфодериватему *кур-* и суффиксальную морфодериватему, представляющую собой инвариант, типичным представителем которого является узуальный суффикс *-ник* (для краткости – морфодериватема *-ник*). Вариантом этой морфодериватемы в окказионализме *курительник* является финаль *-ительник*. Множество вариантов данной суффиксальной морфодериватемы, по данным эксперимента, включает 58 единиц: *-авник*, *-айшинник*, *-альник*, *-аник*, *-анник*, *-аришинник*, *-арник*, *-атник*, *-ачник*, *-ашечник*, *-ашиник*, *-ейник*, *-ельник*, *-еник*, *-еник(а)*, *-енник*, *-етник*, *-ешиник*, *-ёльник*, *-ёник*, *-ётник*, *-ёчник*, *-ёшинник*, *-икник*, *-ильник*, *-иник*, *-иник(а)*, *-ительник*, *-итник*, *-ичник*, *-ишинник*, *-ищник*, *-ковник*, *-лицник*, *-льник*, *-ляник*, *-ник(а)*, *-нучник*, *-овник*, *-очник*, *-ошник*, *-тушник*, *-ульник*, *-учник*, *-ушечник*, *-ушник*, *-шник*, *-щник*, *-ычник*, *-ышинник*, *-ыщник*, *-юльник*, *-юшинник*, *-яник*, *-янный*, *-ятник*, *-ячник*, *-яшинник*. (В состав вариантов включены и те единицы, которые выражают модификационные значения женского и общего рода – *-еник(а)*, *-иник(а)*, *-ник(а)*, так как словообразовательное значение «деятель» остаётся прежним.) Это множество открыто и может дополняться другими вариантами.

МДС выделяется путём структурно-семантического и квантитативного анализа дериватов-реакций, которые соотносятся, как правило, не с производящей основой, а с корнем. В языковом

сознании носителей русского языка при производстве, например, суффиксальных дериватов доминируют комплексы, состоящие из корневой морфодериватемы и суффиксальной морфодериватемы, представляющей собой суффиксальную финаль разной степени структурной сложности и неузуальности.

Сопоставляется словопроизводство в речевой деятельности детей и взрослых; отмечается важность исследований в области детской речи для лингвистики и смежных с ней когнитивно-ориентированных наук; кратко характеризуются основные этапы речевого онтогенеза, выделенные в отечественной психолингвистике (А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, А.Н. Гвоздев, Н.В. Уфимцева, А.М. Шахнарович); анализируются речевые факты из речевого дневника Гели М.; описываются лингвистические эксперименты, связанные со словообразованием.

Обосновывается необходимость проведения деривационного, или порождающего ономаσιологического, эксперимента, цель которого – сбор материала, отражающего речетворческие потенции носителей русского языка. Эксперимент включает в себя задание придумать новое слово для обозначения уже существующего понятия, выраженного стимульной перифразой. Массив полученных реакций представляет собой деривационное поле стимула, в котором отчётливо видна тенденция неузуального словообразования к заполнению всех возможных мест в словообразовательных парадигмах.

Вторая глава «Морфодеривационная структура русского суффиксального существительного со значением деятеля (по данным экспериментального словообразования)» посвящена экспериментальному исследованию русского суффиксального словообразования.

Рассматриваются значимые для проводимого исследования особенности современного русского суффиксального словообразования. Анализ трудов отечественных психолингвистов позволяет прийти к выводу, что высокая продуктивность суффиксации в русском языке определяется прежде всего психолингвистической «эквивалентностью» средств словоизменения и словообразования, возникающей при восприятии слов родного языка на ранних стадиях онтогенеза речи, когда ребёнок осваивает грамматические функции постфиксов.

В главе описывается методика проведения эксперимента по суффиксальному словообразованию. Испытуемые создавали новые слова со значениями, сформулированными в виде слово-

образовательных перифраз (тот, кто носит очки; тот, у кого кудрявые волосы; тот, кто плавает; тот, кто копает землю; тот, кто играет на барабанах; тот, кто пасёт скот; тот, кто собирает грибы; тот, кто управляет вертолётном; та, кто доит коров; тот, кто ловит рыбу; тот, кто управляет трактором; тот, кто курит; тот, кто плавает по морю на корабле; тот, кто катается на лыжах), узуальными ответами на которые являются русские субстантивы со значением лица (*очкарик, кудряш, пловец, землекоп, барабаничик, пастух, грибник, вертолётчик, доярка, рыбак, тракторист, курильщик, моряк, лыжник*). Эксперимент проводился в 2001–2003 гг. с носителями русского языка: детьми 7–8 лет – учениками первых классов школ г. Сургута (136 испытуемых) и взрослыми – студентами и преподавателями Сургутского государственного университета (511 испытуемых, средний возраст – 20 лет).

По результатам эксперимента были составлены деривационные поля субстантивов со значением деятеля у взрослых информантов (приложение 1) и детей (приложение 2). Массив реакций неоднороден: он включает в себя однословные (*бинокулярщик* «тот, кто носит очки») и сверхсловные (*плоховидящий человек*), непроизводные (*слепой*) и производные (*зрачкун*), узуальные (*модный*) и незуальные (*очколист*) номинации с преобладанием незуальных суффиксальных дериватов и композитов.

В ходе эксперимента со взрослыми информантами выявлено 2846 аффиксальных производных, что составляет 39% от общего массива реакций, данных взрослыми. Среди аффиксальных новообразований 97% составляют суффиксальные дериваты (приложение 3). Морфодеривационная структура русского суффиксального субстантива состоит из корня-мотиванта и суффиксального форманта, включающего в себя опорный элемент и интерфикс.

Анализ суффиксальных производных позволил выделить суффиксальные финалы в реакциях взрослых (приложение 5). Всего выявлено 646 суффиксальных финалей, базирующихся на 128 простых суффиксах (опорных элементах суффиксальных формантов). Простой суффикс, или опорный элемент суффиксального форманта, – это наименьшая общая часть суффиксальных финалей, однородных по словообразовательному значению и форме. В большинстве случаев с синхронной точки зрения опорный элемент является непроизводным узуальным суффиксом и выявляется с опорой на морфемные и слово-

образовательные словари. Производный, или вторичный, суффикс образуется на базе простого суффикса с левым расширением – интерфиксальным наращением (в условиях эксперимента часто при помощи окказионального интерфикса). По экспериментальным данным, соотношение простых и производных суффиксов в языковом сознании взрослых – 56 : 44%.

Одним из аспектов анализа суффиксальных дериватов было выявление продуктивности суффиксальных финалей в языковом сознании взрослых носителей современного русского языка. Самым частотным суффиксом в экспериментальных данных является **-щик** (с его помощью образовано 17,89% суффиксальных реакций в речи взрослых). Суффикс **-щик** реализуется как простой суффикс (*плавщик, копщик, ударщик, коровщик, грибщик* и др.) и как компонент производных суффиксов. Суффиксальные финали, в состав которых входит **-щик**, разнообразны (**-анищик**: *грибанищик, -ейщик*: *курейщик, -енищик*: *лыженищик, -илищик*: *ловищик, -ничищик*: *грибничщик, -овальщик*: *тракторальщик, -ульщик*: *пасульщик, -ягальщик*: *курягальщик* и др.).

Эмпирическая продуктивность всех суффиксов, использованных взрослыми информантами в процессе создания новых слов, отражена в таблице параграфа 2.5, а их производные (варианты с расширением) показаны в приложении 7.

Анализ экспериментальных данных позволил сделать следующие выводы:

1. В языковом сознании носителей современного русского языка изменился статус финалей **-чик/-щик**: морфы **-щик** и **-чик**, находясь в языковой системе в отношениях дополнительной дистрибуции (сочетаемость морфов с предшествующими согласными различна), являются алломорфами; в наивном языковом сознании эти морфы являются отдельными суффиксами, поскольку ограничение на сочетаемость с предшествующими согласными снимается.

2. В условиях лингвистического эксперимента расширяются сочетательные и функциональные возможности суффиксов: круг мотивирующих основ, к которым может присоединяться суффикс, становится шире (мотивантами становятся любые части речи), изменяются чередования предшествующих согласных, сочетаемость с аффиксами значительно расширяется за счёт появления множества окказиональных интерфиксов.

3. Происходит расширение сферы функционирования суффиксов-экспрессивов, которые в узусе не участвуют в производстве стилистически нейтральных номинаций по профессии, а в эксперименте демонстрируют эту способность («тот, кто управляет трактором» – *тракторун, тракторила, тракторяга*).

4. Активно экспрессивизируются и пополняются дериваты общего рода, например, за счёт существительных на *-л(о)*, традиционно относимых к среднему роду (*кудрила, стучала, гребло, рыло, долбило, тракторюга, слепандя, слепетня* и др.).

5. При создании новообразований испытуемые стремятся к созданию новых слов с помощью окказиональных суффиксальных формантов: *-адр (очкадр)*, *-ай (чумазай)*, *-айд (чумазайд)*, *-дир (барабандир)*, *-ел (гарпунел)*, *-ен (очкен)*, *-еш (лысеш)*, *-иль (лыжиль)*, *-ним (лыжним)* и др.

6. Выявляется тенденция к ремотивации узуальных существительных: *слепень* «тот, кто носит очки», в узусе – насекомое; *стекольщик* «тот, кто носит очки», в узусе – профессия. При этом активно возникают неузуальные омонимы: *плавальщик*¹ (пловец) и *плавальщик*² (моряк), *курва*¹ (кудрявый человек) и *курва*² (курильщик) и др., которые сочетают в себе признаки потенциальных и окказиональных слов.

В главе рассматривается также морфодеривационная структура русских суффиксальных субстантивов со значением деятеля, созданных в ходе словообразовательного эксперимента детьми. Из 1858 реакций первоклассников 1270, или 68%, являются аффиксальными дериватами (приложение 4). Среди аффиксальных дериватов подавляющее большинство (99,84%) занимают суффиксальные производные. Список суффиксальных финалей в детских суффиксальных новообразованиях приведён в приложении 6. Морфодеривационная структура детских новообразований проанализирована по той же схеме, что и у взрослых.

Активность простого суффикса и его производных зависит от его типа: простой суффикс *-ник* участвовал в формировании 41% реакций, производные – в создании 59% ответов; простой суффикс *-ун* – 95%, производные – 5%. Всего в формировании детских суффиксальных субстантивов со значением деятеля простые суффиксы использовались в 53% случаев, производные – в 47%.

Представленность экспрессивных суффиксов в детских суффиксальных новообразованиях невелика: 4%. Дети (4

испытуемых) в возрасте 8 лет участвовали в эксперименте субъективного оценивания существительных со значением деятеля. Необходимость в проведении данного эксперимента возникла в ходе анализа языкового материала, полученного во время ономастиологического эксперимента в детской аудитории. Инструкция включала просьбу назвать самое грубое, самое смешное, самое некрасивое, самое нежное, самое красивое, самое выразительное слово. Стимульный материал – дериваты с корнями **трактор-** (*тракторила, тракторитель, тракторило, тракторист, тракторщик, тракторяга, тракторник, тракторун, тракторец, тракторюн*) и **пас-** (*пасила, паситель, пасило, пасист, пасицик, пасяга, пасник, пасун, пасец, пасюн*).

Гипотеза: оцениваться должны прежде всего субстантивы с экспрессивными суффиксами (**-л-, -яг(а), -ун/-юн**), существительные же с суффиксами, служащими в узусе для производства наименований лиц по профессии (**-тель, -ист, -щик, -ник, -ец**), будут восприниматься как нейтральные. Большинство полученных оценок ожидаемо: *тракторяга* – смешное, *пасун* – грубое, *пасила* – некрасивое. Однако оценочные характеристики были приписаны также дериватам с суффиксами, узואльно используемыми для образования наименований лиц по профессии, например, слово *паситель* было воспринято испытуемыми как наиболее экспрессивное в 7 случаях, 3 информанта назвали его самым выразительным. Этот аспект исследования – выявление общей оценки стимулов – не стал специальным предметом нашего рассмотрения, но представляется значимым: вопрос о том, как дети воспринимают и оценивают производные слова, а значит, и компоненты этих слов, в том числе форманты, психолингвистикой не решён, в то же время он важен для более полного понимания этапов речевого онтогенеза.

Сопоставительный анализ суффиксальных субстантивов со значением лица у информантов разных возрастных групп показал, что в реакциях взрослых носителей языка представлено 477 разных суффиксальных финалей, в реакциях детей – 332 (всего 646 неповторяющихся суффиксальных формантов). Общие (совпадающие) суффиксальные форманты занимают 26% от массива формантов в реакциях взрослых и 37% от реакций детей. Специфических для каждой возрастной группы формантов – 74% и 63% соответственно. Так, в речи детей и взрослых совпадает часть окказиональных суффиксальных формантов: **-ай** (*пасай* «тот, кто

пасёт скот»), **-ел** (ослепел «тот, кто носит очки»), **-ен** (путен «тот, кто плавает»), **-еш** (кудреш «тот, у кого кудрявые волосы»), **-иль** (куриль «тот, кто курит»). Специфически «детские» суффиксы: **-ар-**, **-ах**, **-ев**, **-ёж**, **-ёт**, **-и** (слепара «тот, кто носит очки», траках «тот, кто управляет трактором», кораблев «тот, кто ходит по морю на корабле», курёж «тот, кто курит», скотёт «тот, кто пасёт скот», бараби «тот, кто играет на барабане»).

Эмпирическая продуктивность суффиксов в узусе и экспериментальных условиях, а также в реакциях взрослых и детей часто не совпадает. Например, нерегулярный в узусе суффикс **-ин** со значением лица (вместе с производными от него суффиксами) становится продуктивным в речи взрослых и детей (стекляшкин, завитулькин, плавкин, копалкин, барабанкин, очкин, кудрин и др.), продуктивный в узусе суффикс **-ор** (**-ёр**) почти не представлен в реакциях информантов, продуктивный в узусе суффикс **-тель** в реакциях детей становится малопродуктивным и т.д.

Доля узуальных суффиксов в речи представителей разных возрастных групп примерно равна (55% у взрослых и 54% у детей), но в речи взрослых больше нерегулярных (37 и 30% соответственно) и непродуктивных единиц (27 и 20% соответственно), чем у детей. Актуализация этих «периферийных» для словообразования формантов свидетельствует, на наш взгляд, о более высоком уровне развития языковой компетенции, в частности, о большей дифференцированности её словообразовательного компонента. Среди окказиональных формантов наблюдается тенденция к семантической новизне у детей и к формальной новизне у взрослых.

Удельный вес простых и производных суффиксов в составе суффиксальных субстантивов со значением лица в речи взрослых и детей различен: у взрослых – 56 и 44%, у детей – 46 и 54% соответственно. Таким образом, производные суффиксы с левым расширением в создании суффиксальных производных со значением лица используются чаще детьми, чем взрослыми.

Если рассматривать суффиксальные дериваты с точки зрения представленности в них интерфиксов (компонентов производных суффиксов), то можно отметить, что состав этих единиц, полученный в эксперименте, намного шире того списка интерфиксов, который предлагает научная литература. В эксперименте выделено 213 интерфиксов (**-аб-**, **-айл-**, **-айши-**, **-араиш-**, **-вр-**, **-елкор-**, **-елов-**, **-ецион-**, **-илай-**, **-илт-**, **-ильч-**, **-илянт-**, **-кев-**, **-ков-**, **-лиц-**, **-ляш-**, **-мул-**, **-нач-**, **-нев-**, **-нейк-**, **-од-**, **-онар-**, **-тош-**, **-уз-**, **-ульк-**, **-чич-**,

-чун-, -щ-, -ыль-, -юль-, -юч-, -ягаль-, -ялар-, -янд- и др.), в то время как в научных источниках фиксируется не более двух-трёх десятков интерфиксов.

Реакции взрослых информантов свидетельствуют об актуализации 160 интерфиксальных элементов, из которых 58% реализованы только в речи взрослых, реакции детей – 120 интерфиксов (44% специфических). Общие интерфиксы составляют 42% от всех интерфиксальных частей, употреблённых взрослыми, и 56% от интерфиксов, использованных детьми. Многие интерфиксы являются однотипными: это комбинации из гласных и согласных, где варьируется вокальная часть, например: *ав – ев – ёв – ив – ов – ув – яв; ан – ен – ён – ин – он – ун – юн – ян* и т.п. Многие интерфиксы формально совпадают с суффиксами, в том числе с суффиксами лица-деятеля: *ан, ар, ач, ир, ист, тель, ун* и др.

Анализ суффиксальных финалей в реакциях взрослых информантов и детей показывает, что всего в реакциях взрослых носителей языка представлено 477 разных финалей, в реакциях детей – 332 финали. Общие (совпадающие) суффиксальные форманты занимают 26% от массива формантов в реакциях взрослых и 37% от реакций детей. Специфических для каждой возрастной группы формантов – 74 и 63% соответственно.

Третья глава «Морфодеривационная структура русского субстантивного композита со значением деятеля (по данным экспериментального словообразования)» посвящена изучению морфодеривационной структуры субстантивов-композитов в языковом сознании разновозрастных носителей современного русского языка.

Композиция является одним из наиболее продуктивных способов словообразования современного русского языка. Методика проведения эксперимента по композитному словообразованию аналогична вышеописанной. По результатам эксперимента из состава деривационных полей субстантивов со значением деятеля были вычленены совокупности композитов в речи взрослых (приложение 8) и детей (приложение 9).

Наш анализ показал, что композит, в отличие от простого суффиксального деривата, представляет информацию более дифференцированно и точно, называя и объект, и предикат, в то время как суффиксальные производные актуализируют что-то одно: предикат либо объект действия. Поэтому при именовании лиц по профессии возможно появление множества сложных слов, пред-

ставляющих собой в плане внутренней формы наиболее «прозрачные» номинации.

В главе анализируется морфодеривационная структура русского композитного субстантива со значением деятеля по данным словообразовательного эксперимента со взрослыми. Всего взрослыми информантами дан 3381 композит (46% от общего массива реакций). При помощи чистого сложения образовано 1,5% реакций от общего числа композитов (*рыба-человек*, *человек-крот*, *человек-лопата*, *человек-мухомор* и др.). Способом сложной суффиксации образовано 92% композитов. Композитов с нулевым суффиксом – 46% (*глазенос* «тот, кто носит очки», *рукоброс* «тот, кто плавает», *лопатамах* «тот, кто копает землю» и др.), с ненулевым – 54% (*линзаноситель* «тот, кто носит очки», *волосокудрявчик* «тот, у кого кудрявые волосы», *рукозагребун* «тот, кто плавает» и мн. др.). Оказиональные способы (6,5%) образования композитов: объединение звуковых оболочек слова: *грибурун* (*грибы* беру [б'и'ру]); включение: *мокторист* (*мо-тор* + тра-*ктор-ист*; *мо-к-тор-ист*, с наложением морфов и начальным усечением второй основы) и др.; голофразис: *впалочкибей* (*в палочки бей*), *побарабануколотильник* (*по барабану колотит* + *-льник*) и т.п.

По частеречной обусловленности мотивантов композиты делятся на две группы: 1) сложные слова, последняя часть которых является глагольной (*горолуб*, *класскат*, *лыжабег* и другие реакции на стимул «тот, кто катается на лыжах»), 2) композиты, последняя часть которых является субстантивной (*дерепал*, *езделыж*, *лыжсепалк*). Первая группа сложносуффиксальных образований многочисленнее, и это не случайно: в мотивирующем синтаксическом обороте глагол является ядерным компонентом, а существительное – модификатором. Сложные слова, включающие второй (последний) глагольный компонент, позволяют более легко восстанавливать предикат исходной конструкции, следовательно, и саму модель.

При композитообразовании частотны морфонологические явления: интерфиксация, наложение морфов, усечение основ (корней). Интерфиксация в сложных образованиях представлена очень широко. Преобладают узуальные интерфиксы *-о-* (*очкоглаз*, *локононосец*, *волнорез* и др.) и *-е-* (*глазенос*, *кудреноситель*, *стилетопорист* и т.п.). На роль интерфиксов претендуют и другие элементы: *-а-* (*линзанос*, *водаход*, *копазем* и др.), *-я-* (*кудрявлас*, *землякидыш*, *вымядав* и т.п.), *-и-* (*очинос*, *землирой*, *ловирыб*).

Междусловное наложение: *колыж* (кол + *лыжи*), *барабанос* (барабан + *носить*), *паскот* (пасти + *скот*), *табакурка* (табак + *курить*) и др.

Усечения основ (корней) многообразны. Аморфемное начальное усечение первого компонента композита: *локоволосый* (*локон* + *волос*). Аморфемное начальное усечение второго компонента композита: *сторожкор* (*сторож* + *коровы*). Аморфемное начальное усечение обоих компонентов композита: *шофкор* (*шофёр* + *корабль*). Аморфемное конечное усечение первого компонента композита: *упешкадур* (гупия/ *гупешка* + *дурак*/дурить). Аморфемное конечное усечение второго компонента композита: *винтдитель* (*винт* + *водитель*). Аморфемное центральное усечение первого компонента композита: *баранос* (*барабан* + *носить*). Аморфемное центрально-конечное усечение второго компонента композита: *палобарбалкин* (*палка* + -о- + *барабан* + *-алкин*). Телескопия: *мучкарик* (*мучение* + *очкарик*).

Способом чистого сложения образовано 1,5% от общего числа детских композитов. Способом сложной суффиксации образовано 95,5% композитов. Среди сложносуффиксальных ответов 50% занимают сложения с нулевым суффиксом. Тенденция к экономии языковых усилий здесь проявляется ещё более отчётливо, чем в речи взрослых. В сложениях с материально выраженными суффиксами используются разнообразные форманты, однако суффиксальное оформление детских композитов менее разнообразно, чем собственно суффиксальных образований (приложения 4, 6). Окказиональные словообразовательные способы используются редко (3%). Интерфиксация представлена разнообразно (узуальные интерфиксы *-о-*, *-е-* и неузуальные *-а-*, *-ю-*, *-я-*, *-и-*). Наложение морфов представлено минимально. Усечение основ используется в детской речи достаточно активно, наблюдается два вида усечений: аморфемное начальное усечение первого либо второго компонента композита (*вертопилот*: *вертолёт* + *пилот*; *плавакар*: *плавать* + *корабль* с отражением а-образного произношения). Амбирадикальные композиты в детской речи представлены незначительно: *доякорова* – *короводойка*, *корабаплав* – *плавакар*, *каталыж* – *лыжакат*.

В массиве детских реакций (1858 единиц) композиты занимают всего 7%, в то время как аффиксальные дериваты – 68%. У взрослых – 46% композитов, 39% аффиксальных дериватов (из 7285 единиц). Таким образом, если взрослые информанты дают примерно одинаковое количество новообразований разных типов (с

небольшим преобладанием сложных слов), то дети, создавая новые слова, опираются именно на суффиксальные модели словообразования, а композиты в их ответах немногочисленны. Анализ детских новообразований показывает, что уровень языкового анализа и синтеза (как и соответствующих когнитивных процессов) у младших школьников недостаточно высок для массового создания сложных слов.

Несмотря на существующее в лингвистических исследованиях мнение о низкой активности разных видов производства сложных слов в разговорной речи, взрослые носители современного русского языка в экспериментальной ситуации демонстрируют высокую готовность к созданию композитов, что может являться одной из характеристик «взросления» речевой компетенции.

Сопоставление взрослых и детских экспериментальных композитов обнаружило, что способ чистого сложения и в реакциях взрослых, и в ответах детей представлен минимально: 1,5% в обеих возрастных группах. Способ сложной суффиксации используется очень активно: 92% случаев в речи взрослых и 95,5% в речи детей. Нулевая суффиксация более активно представлена у детей – 50%, в то время как у взрослых этот показатель равен 46%. Тенденция к «компрессии» при создании композитов отчётливо проявляется в обеих группах информантов.

Морфодеривационная структура композитных субстантивов со значением деятеля в языковом сознании носителей русского языка, как показывают экспериментальные данные, включает в себя несколько (два или более) корней, способных занимать любое место в слове, а также интерфикс (интерфиксы) и суффиксальную финаль.

Среди экспериментальных композитов выделяется особая группа сложных слов, которая была названа нами амбирадикальными композитами (35% от общего числа композитов, продуцированных взрослыми). В узуальном словообразовании превалирует точка зрения, согласно которой компоненты сложного слова располагаются в определённом порядке, поэтому их перестановка недопустима. Однако в массиве экспериментальных ответов есть множество амбирадикальных композитов. Амбирадикальный композит представляет собой сложное слово, в состав которого входят амбирадиксы – неопределённо прикреплённые корни, способные занимать в слове любую (начальную или конечную) позицию, например: *кудреволосик* – *волоскудрик*, *водоплавец* –

плавоводец, земкопицк – копземицк, барабанодарицк – ударо-барабаницк, пасскотицк – скотопасицк, взятогриб – грибовзят, летовертун – вертолетун, дергосиська – сиськодёрка, удорыб – рыбоуд, водотрак – траковод, дымокур – куридым, плавоморец – мореплавец, каталыж – лыжакат.

Для анализа амбирадикальных сложений был проведён интерпретационный эксперимент. Гипотеза: в случае определённости ономаσιологического статуса компонентов сложного слова (первый корень – ономаσιологический признак, второй – ономаσιологический базис) истолкование окказиональных композитов не встретит трудностей у взрослых информантов и их ответы-интерпретации в основном будут совпадать. В случае неопределённости ономаσιологического статуса компонентов сложного слова интерпретации окказиональных композитов будут самыми разнообразными, зависящими от индивидуальных морфодеривационных ассоциаций носителей языка.

Для эксперимента были отобраны 26 стимулов – 13 пар окказиональных амбирадикальных композитов, ранее вычленённых из списка композитов, созданных другими взрослыми испытуемыми. Стимулы были подобраны так, чтобы по возможности быть репрезентантами одной словообразовательной структуры (модели). Поэтому совпадение словообразовательных аффиксов было обязательным (*-ец – -ец, -щик – -щик, -ик – -ик, -ун – -ун, -к – -к, Ø – Ø*), а совпадение интерфиксов – желательным. Эксперимент проводился в 2004 г. среди студентов Сургутского государственного университета. Количество испытуемых – 47 человек. Средний возраст – 18 лет. Испытуемым предлагались листы с напечатанными в столбик стимульными амбирадикальными сложениями (приложение 13). Инструкция – сформулировать и записать лексические значения предложенных существительных. Полученные данные приведены в приложении 10.

Можно предположить неоднотипную модификацию стимульной перифразы в сознании испытуемых и влияние на ход образования нового сложного слова самого восприятия структуры перифразы: какой из компонентов стимула становится опорным, а какой – зависимым или даже факультативным. Например, при восприятии перифразы «тот, кто катается на лыжах» в сознании испытуемого может актуализироваться компонент *лыжи* (на *лыжах*), что, скорее всего, приведёт к появлению композита со вторым (в норме – опорным) компонентом *-лыж-*: *беголыжник, ездeлыж, каталыж, снег-*

лыж и т.п. Если же актуализируется такой компонент перифразы, как *катается*, то вероятнее всего появление композитов со вторым компонентом **-кат-**: *класскат, лыжакат, надровакататель, снегокат* и т.п.

Чтобы проверить значимость (или незначимость) позиции корневого морфа, был проведён эксперимент по интерпретации амбирадикальных композитов, полученных в предшествующем эксперименте. Полные данные эксперимента представлены в приложении 11. Например, *водотрак* истолковывается как «водный трактор», «трек на воде», «трактор, который возит воду (водовозка)», «насекомое», *траковод* – как «водный тракт», «трактор, плавающий на воде», «трубопровод», «водяной трактор». Этот эксперимент не подтверждает существующее в узуальном словообразовании мнение о том, что первая позиция корня в композите предполагает его роль ономаσιологического признака, а вторая – роль ономаσιологического базиса. Экспериментальное словообразование демонстрирует и противоположные случаи, представленные достаточно широко. На первый и второй корни стимульных окказионализмов дано примерно одинаковое количество ассоциативных ответов, поэтому говорить о преимущественной значимости только второго или только первого корня композита при его истолковании нет оснований.

В **заключении** работы подведены итоги исследования и намечены его перспективы. Общность и нетождественность морфодеривационной структуры русского субстантива в сознании детей и взрослых объясняется ступенчатым характером развития языковой личности, её многоуровневой структурой, обуславливающей трудный и длительный путь формирования языковой (речевой) компетенции говорящего.

Сложность объекта исследования – нового слова, соединяющего в себе статику языковой системы и динамику речевой деятельности, а также отражающего в процессе своего создания и истолкования информантами разнообразные аспекты таких когнитивных феноменов, как порождение и интерпретация речи, – обусловил многоаспектность реферируемой работы и её естественную «открытость».

Реферируемая работа выполнена на материале экспериментального словообразования, актуализирующего неогенные способности говорящих. Экспериментальное словообразование имеет традицию своего использования в отечественном и

зарубежном языкознании. Оно позволяет создавать искусственные условия, активизирующие одну из основных тенденций разговорной речи – к словотворчеству, речетворчеству, актуализирующие словообразовательный потенциал говорящих, который репрезентирует как конститутивные характеристики словообразовательного компонента языковой способности русской языковой личности вообще, так и индивидуальные деривационные предпочтения носителей русского языка.

Методики в сфере экспериментального словообразования достаточно разнообразны, но могут быть дополнены рядом новых приёмов в постановке и проведении деривационных экспериментов. Наше исследование демонстрирует, как разные экспериментальные методики могут дополнять друг друга при исследовании феномена порождения и восприятия нового слова. Экспериментальное словообразование может являться действенным инструментом при решении вопросов теоретической лингвистики, в частности дериватологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и психологии.

Методика и результаты лингвистического эксперимента могут быть экстраполированы на исследование морфодеривационной структуры слов других словообразовательных категорий.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования докладывались на 7 конференциях (Екатеринбург (2000–2004 гг.); Сургут (2000–2002 гг.)) и нашли отражение в 8 публикациях:

1. Малова Е.Г. Новообразования в детской речи: выбор словообразовательной модели // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2000. – Екатеринбург, 2000. – № 13. – С. 47–48.

2. Малова Е.Г. Реализация словообразовательных способов в неузальных производных и композитах, продуцированных младшими школьниками // Сборник научных трудов. Вып. 6. Часть 2. Гуманитарные науки / Сургут. гос. ун-т. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2000. – Ч. 1. – С. 149–157.

3. Малова Е.Г. Метафоризация новообразований в процессе номинации // Северный регион: наука и социокультурная динамика: Сб. тез. к Всерос. науч. конф. Май 2002, Ханты-Мансийск – Сургут. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. – С. 186–187.

4. Малова Е.Г. Смысловые отношения между компонентами сложных новообразований – имён деятеля // Актуальные проблемы

лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2002. № 15. – Екатеринбург, 2002. – С. 45.

5. Малова Е.Г. Специфика производства неузуальных сложных слов в речи детей и взрослых // Теоретические и практические аспекты лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2002. – С. 29–38.

6. Малова Е.Г. Расширение функций суффиксов-экспрессивов при создании новообразований – имён деятелей // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2003. № 16. – Екатеринбург, 2003. – С. 84–86.

7. Малова Е.Г. О влиянии модели узуального актуализатора словообразовательной перифразы на характер реакций в эксперименте по созданию новых слов // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2004. № 17. – Екатеринбург, 2004. – С. 77–78.

8. Малова Е.Г. Композиты-«перевёртыши» в экспериментальном словообразовании // Лингвистика XXI века: Мат-лы федер. науч. конф., сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 97–99.

Степанова Елена Геннадьевна

МОРФОДЕРИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
РУССКИХ СУБСТАНТИВОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ДЕЯТЕЛЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ
(по материалам экспериментального словообразования)

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Оригинал-макет подготовлен в редакционном отделе
издательского центра СурГУ в авторской редакции.
т.: (3462) 32-50-75.

Подписано в печать 21.10.2005 г. Формат 60×84/16.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 1,27. Уч.-изд. л. 1,1.
Тираж 120. Заказ № 122.

Отпечатано в полиграфическом отделе
издательского центра СурГУ.
ул. Лермонтова, 5, г. Сургут.
т./ф.: (3462) 32-33-06.

Сургутский государственный университет
ул. Энергетиков, 14, г. Сургут
ХМАО Тюменской области, 628412
т./ф.: (3462) 52-47-00, 52-47-29.